

чужой стране. Произошло также расширение их ролевых функций, осознание партнерства и равенства с мужчинами.

В заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на все сложности и испытания, через которые пришлось пройти российским женщинам, им удалось найти свое место в эмигрантском обществе, продолжить в меру возможностей духовную жизнь нации, сохранить свое лицо.

ВРЕМЯ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ: У ИСТОКОВ СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ

К. Г. Антонян

*Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург*

Многое из того, что происходило в России сразу после революции 1917 года, в исследовательском сознании ушло на второй план. События 1920-х годов оказались заслоненными рафинированным и утонченным Серебряным веком, ужасами сталинских годов, новшеством последних десятилетий – постмодерном. Тем не менее 20-е годы являются ярким примером воплощения утопического идеала в действительность. Возможным казалось осуществление самых безумных проектов, которые сейчас, спустя годы, кажутся порой одновременно смешными и чудовищными, нелепыми и фантастическими. Основной лейтмотив культуры этого периода – коренная переделка человека – является лишь одним из пунктов на пути движения к новому. Новым должно было стать буквально все, а не только человек: новая страна, новая политическая система, новый строй, новые отношения, новые праздники, новые лозунги, новый быт и, наконец, новая культура и вместе с культурой новая идея и смысл жизни. Идея и смысл – как то, что нужно осуществить и к чему надо стремиться, ради чего можно и нужно преодолеть все трудности на пути слома старого и создания из хаоса (так как любое разрушение имеет необходимым своим следствием хаос) нового. Причем идея нужна была не умозрительная, как это было в культуре предшествующего этапа – в Серебряном веке, когда строились теории духовного преображения человечества,

человека и мира на религиозной основе, а идея, вполне достижимая человеческими усилиями.

В 1920-х годах происходит своеобразный дискурс «интеллигенции от пролетариата», новой «интеллигенции» и интеллигенции дореволюционной, в большей части некоммунистической. Еще возможен дискурс, хотя он уже имеет свои пределы, обозначенные государственной идеологией. Но поскольку события революционной поры убыстрили ход времени, ход истории, у интеллигенции не было времени, чтобы оглянуться и оценить небольшой, но значимый отрезок истории, обусловленный явлением и идеей революции. Революция произошла, и это событие через достаточно небольшой промежуток времени перестало волновать интеллигенцию. Событие, которого долго ждали, готовились и на предожидание которого ушли все силы, не исполнило того, чего от него ожидали. В дальнейшем теоретикам постреволюционной культуры приходится не раз напоминать о революции как о событии поворотном в жизни общества и снова и снова наполнять революцию смыслом. Революция после революции становится неким метафизическим началом, от которого для советских людей начался новый виток истории. Взгляды и помыслы уже были устремлены вперед, в это новое, а революция стала только точкой отсчета нового времени.

XX век разделился для России на «время до революции» и «время после революции». Расцениваются они по-разному, наделяются различными значениями. Не выработанная единая точка зрения на дореволюционное прошлое российской культуры рождает множество споров и столкновений о настоящем и будущем еще не сформировавшейся новой культуры. Дискурс начинает развиваться уже вокруг становления проблематики новой культуры, вокруг того, какой она должна быть, кто должен быть ее основателем и активным создателем, на чем, на каких основаниях она должна строиться и как относиться к старой дореволюционной культуре. Все взоры обращены в будущее.

Сейчас сложно сказать, была ли революция окутана налетом романтизма для всего народа или эта мифологизация революции и новых проектов культуры существовала лишь в умах избранной интеллигенции. Советская культура на начальном этапе своего развития акцентировала внимание на человеке. В этом она схожа с культурой антич-

ности. Создание гармоничного человека, развитие его ума и тела, желание сделать человека активным членом общества, где каждый полезен и нужен каждому, — такой идеал античного воспитания вполне подходил к культурной программе, задуманной теоретиками после-революционного периода. Великая Пайдейя в Древней Греции достаточно свободно может быть сопоставима с теми социально-культурными процессами, которые имели место в Советской России в 1920-х годах. Более того, существующее в это время в Москве спортивное объединение под названием «Красный стадион» напрямую упоминает Древнюю Грецию как пример для подражания в воспитании нового человека.

Каждый новый виток, совершаемый культурой, включает в себя достижения прошедших времен и, перетасовывая их, создает новые модификации культурных форм. Воспитание «хорошего гражданина» в античности заменилось созданием «нового человека» в советской культуре. Принцип государственной опеки над обществом в целом и отдельным человеком в частности в советском обществе также повторяет античный образец. Патриотизм, к которому зывали советские власти в годы разрухи и голода, вполне сравним с древне-греческим идеалом служения высшей государственной цели, даже в ущерб личным интересам.

Таким образом, взаимоотношения власти и культуры имеют давние традиции. В самой культуре заложены механизмы власти, которые она запускает и поддерживает. Власть дает культуре идеологию. Культура подхватывает комплекс идей, предложенных властью, и начинает работать с ним, развивая в различных направлениях, предлагает идеологии различные формы существования. Власть отбирает из всего многообразия мысли лишь то, что усиливает ее позиции. Так постепенно культура становится рупором государственной власти. Интеллигенция перестает быть автономной и независимой, ставится под контроль государства. Сама идеология, подкрепленная теоретическими поисками интеллигенции, предстает в виде готового комплекса вопросов и ответов.

Революция 1917 года не только поставила точку на культуре Серебряного века, но и открыла совершенно новые горизонты. Тот расцвет и то многообразие культурных форм, которое существовало в 20-е годы, отражало становящийся характер новой культуры.